

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 332.122

Э.С. АЛПАТОВА,

доктор экономических наук, профессор

Набережночелнинский филиал

Института экономики, управления и права (г. Казань)

СВОБОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗОНЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматриваются теоретические положения о полюсах развития, порочных кругах нищеты, самоподдерживающемся росте и т.д., лежащие в основе исследования свободных экономических зон и составляющие его методологический базис, связанный с теориями размещения хозяйства, предлагаемыми исследователями в области экономической географии.

Существование свободных экономических зон (СЭЗ) предполагает наличие льготных механизмов регулирования экономической деятельности, намеренно создаваемых государством с целью привлечения потенциальных инвесторов, повышения занятости, стимулирования экспорта или развития производства.

Необходимость создания преференциальных условий хозяйствования впервые была обоснована в концепции Дж.М. Кейнса, изложенной им в книге "Общая теория занятости, процента и денег", а также в теории "большого толчка" (big push). По Кейнсу, основным объектом государственного регулирования в сфере обращения является спрос на потребительском рынке и рынке средств производства, то есть инвестиционный спрос [1], стимулированию которого может способствовать СЭЗ.

Теории большого толчка стали синтезом двух теоретических концепций западной послевоенной экономической литературы: "порочного круга нищеты" и "самоподдерживающегося роста".

Теории "порочного круга нищеты" возникли в результате анализа экономик слаборазвитых стран, а само понятие впервые было предложено в 1949–1950 гг. Гансом Зингером (США) и Раулем Пребишем (Аргентина). Они считали, что слаборазвитость обусловлена рядом взаимосвязанных экономических и демографических факторов. Приведем некоторые варианты теории "порочного круга нищеты", появившиеся в 40–50-х гг.

Так, в 40-х гг. родилась концепция периферийной экономики, главным теоретиком которой наряду с Р. Пребишем был Селсо Фуртадо (Бразилия). После политического освобождения латиноамериканские страны были вовлечены в мировой рынок и превратились в поставщиков сырья. На протяжении XIX–XX вв. закрепились монокультурная специализация латиноамериканского региона. На пять статей экспорта (нефть, сахар, кофе, медь, хлопок) приходилось 62% его стоимости [2, с. 704]. Проникновение иностранного капитала (в основном английс-

кого и североамериканского) привело к колоссальному росту внешнего долга и способствовало экономической отсталости стран региона.

Р. Пребиш выдвинул понятия "центр" (ведущие развитые страны) и "периферия" (экономически отсталые районы мира), доказав, что слаборазвитость "третьего мира" и рост развитых стран – явления взаимосвязанные. Латиноамериканские экономисты выступили против господствовавшего в западной экономической литературе классического положения Д. Рикардо о сравнительных издержках (относительных преимуществах). Они заявили, что мировой рынок не обеспечивает наилучшего распределения ресурсов и благополучия для всех партнеров, а навязывает отсталым странам в ущерб им постоянную тенденцию к неравновесию. Исходная ситуация в "третьем мире", по Пребишу, представляет собой "порочный круг застойного равновесия, когда производительность низка из-за нехватки капитала, а нехватка капитала происходит из-за недостатка сбережений, обусловленного низкой производительностью" [2, с. 707]. Для того, чтобы разорвать этот порочный круг, по мнению Пребиша, наиболее рациональное решение состоит в привлечении иностранных инвестиций.

В своей работе "Теоретические и практические проблемы экономического роста" (1951) Р. Пребиш изложил подходы к решению проблемы накопления, а также связанных с ней проблем потребления и рынка. Он предложил решать указанные проблемы на путях поиска оптимальных технологических вариантов производства и оценок их эффективности. По его мнению, необходимо прежде всего разграничить интересы предпринимателя и общие интересы экономики и строить государственную политику, опираясь на это разграничение, наиболее отчетливо проявляющееся в выборе между капиталоемким и трудоинтенсивным производствами.

В отличие от краткосрочной политики кейнсианского регулирования Пребиш призывал к долгосрочной структурной политике развития. Однако его надеждам на скачок Латинской Америки в экономическом развитии не суждено

было оправдаться, и сам Пребиш разочарованно констатировал это в конце жизни. Блага от структурных изменений еще больше сконцентрировались в высших слоях, что привело к росту расточительного потребления, ухудшив возможности накопления капитала и ограничив производительное использование рабочей силы. Периферийный капитализм был по своей сути имитационным, так как стандарты потребления высших слоев переносились из развитых в развивающиеся страны. Тем не менее теория периферийной экономики сыграла большую роль в формировании новой политики развития, поскольку привлекла внимание к проблеме неравноправных отношений между развитыми государствами и освободившимися странами.

В основе теории квазистабильного равновесия, выдвинутой американским ученым Харви Лейбенштайном, лежит анализ факторов, влияющих на изменение среднедушевого дохода. В качестве повышающих факторов Лейбенштайн называет рост производительности в сельском хозяйстве, что приводит к улучшению питания и увеличению естественной продолжительности жизни. С другой стороны, повышение уровня жизни быстро "съедается" последующим демографическим ростом, приводящим к дроблению земельных участков и в конечном счете – падению урожайности (рис. 1).

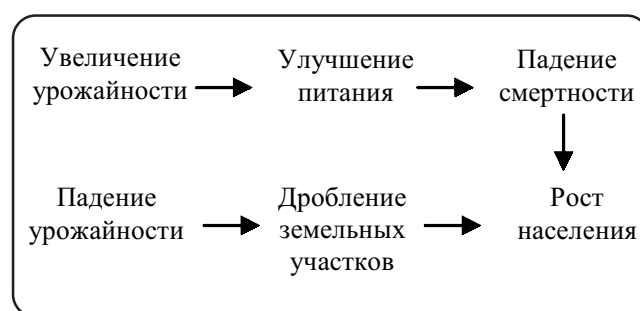

Рис. 1. Теория квазистабильного равновесия Х. Лейбенштайна [3, с. 139]

Действительно, поскольку почти 80% населения Земли приходится на Азию, Африку, Латинскую Америку, Океанию, давление, оказываемое на природные ресурсы, в "третьем мире" гораздо сильнее, чем в развитых странах. К тому

же долговременные тенденции экономического роста в мире складываются неблагоприятно для стран "третьего мира" – их темпы прироста ВВП на душу населения в послевоенные годы были в 2–3 раза ниже, чем в развитых странах. Все это способствует углублению разрыва между центром и периферией мирового хозяйства и создает опасность формирования "порочных кругов", описанных Лейбенштайном. На рис. 2 представлен "порочный круг нищеты" по Лейбенштайну.

Экономическая динамика среднедушевого дохода определяется глубиной воздействия на традиционную экономику повышающих и понижающих факторов. Если начальный уровень

дохода равен m , а воздействие понижающих факторов сильнее, то происходит сдвиг, результатом которого является понижение уровня дохода. При этом действие повышающих факторов лишь ослабляет общее падение.

Другие теории "порочных кругов нищеты" объясняют стагнацию узостью внутреннего рынка и/или нехваткой ресурсов для модернизации. Так, например, по мнению Рагнера Нурксе (США), нехватка капитала определяет низкий уровень производительности труда, что, в свою очередь, обуславливает низкий уровень доходов. Как следствие – слабая покупательная способность и недостаточные стимулы к инвестированию (рис. 3).

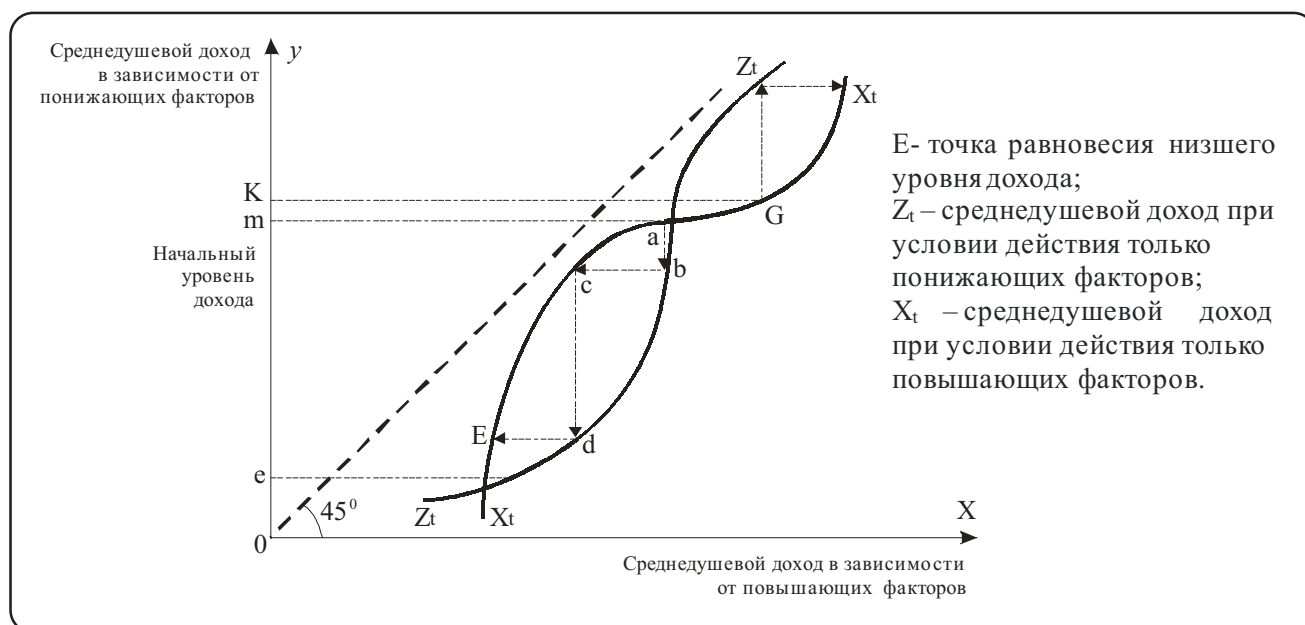

Рис. 2. "Порочный круг нищеты" (по Х. Лейбенштайну) [3, с. 141]

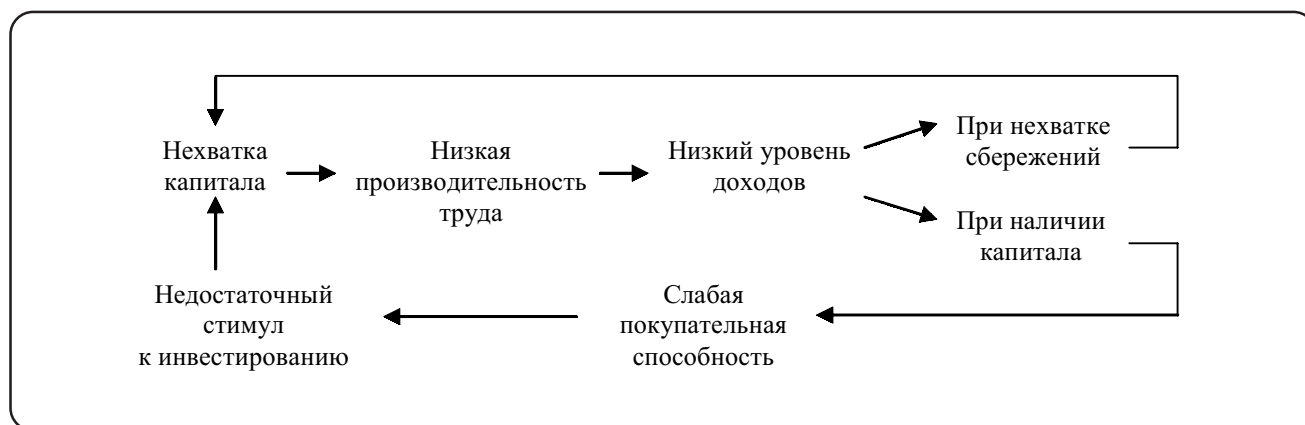

Рис. 3. "Порочный круг" нехватки капитала по Р. Нурксе [3, с. 141]

Некоторые исследователи, например, Бруно Кналл (США), считают, что отсталость определяется институциональными условиями, такими как низкая квалификация рабочей силы, неразвитость систем народного образования и профессиональной подготовки (рис. 4).

Указанные причины обуславливают недостаток квалифицированной рабочей силы и нехватку специалистов, что в свою очередь определяет низкий уровень производительности труда и в конечном счете отсталость экономи-

ки, неспособной выделить достаточные средства для развития образования и профессиональной подготовки и переподготовки кадров.

Согласно кейнсианской традиции, "порочный круг нищеты" связан с низким уровнем дохода, обуславливающим в свою очередь низкий уровень потребления и сбережений (рис. 5).

Нетрудно заметить, что Россия также находится в своего рода "порочном кругу" бедности, причем к нему добавляются еще "порочные круги" политической нестабильности (рис. 6).

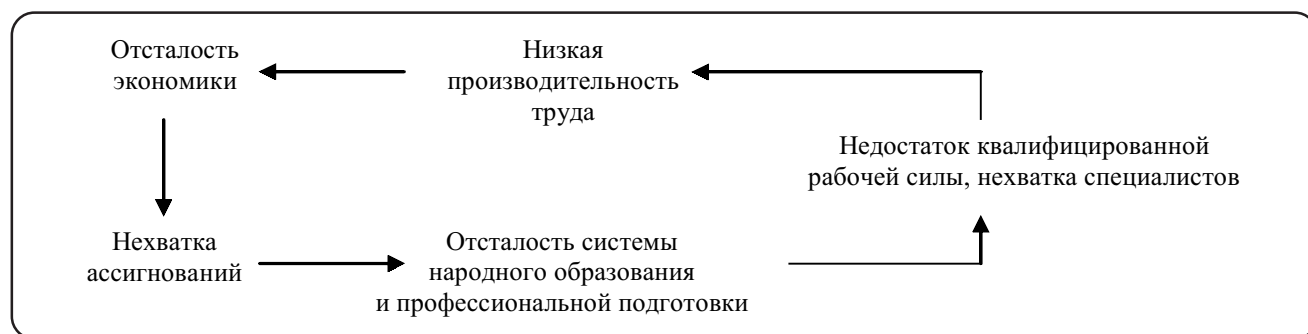

Рис. 4. "Круг отсталости" Б. Кналла [3, с. 142]

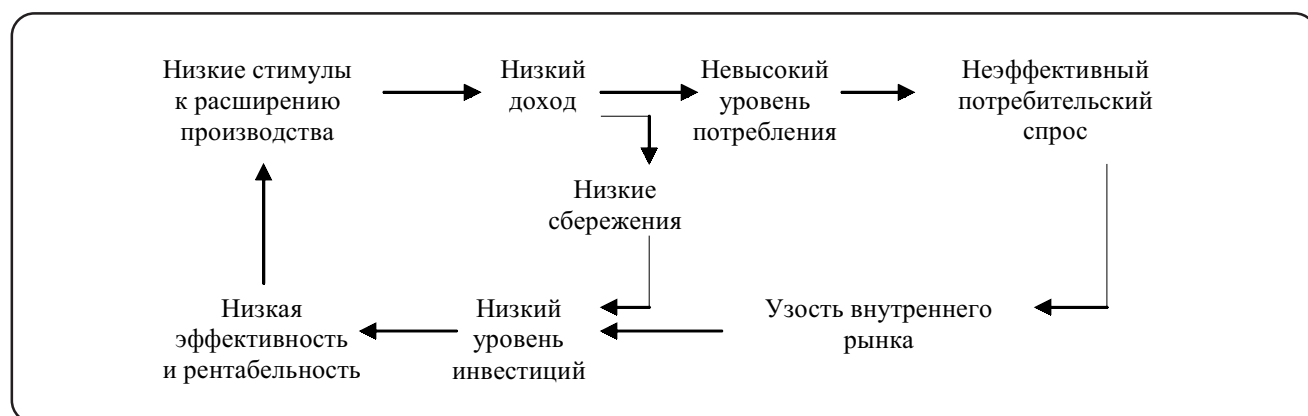

Рис. 5. Порочный круг нищеты: кейнсианская интерпретация [3, с. 142]

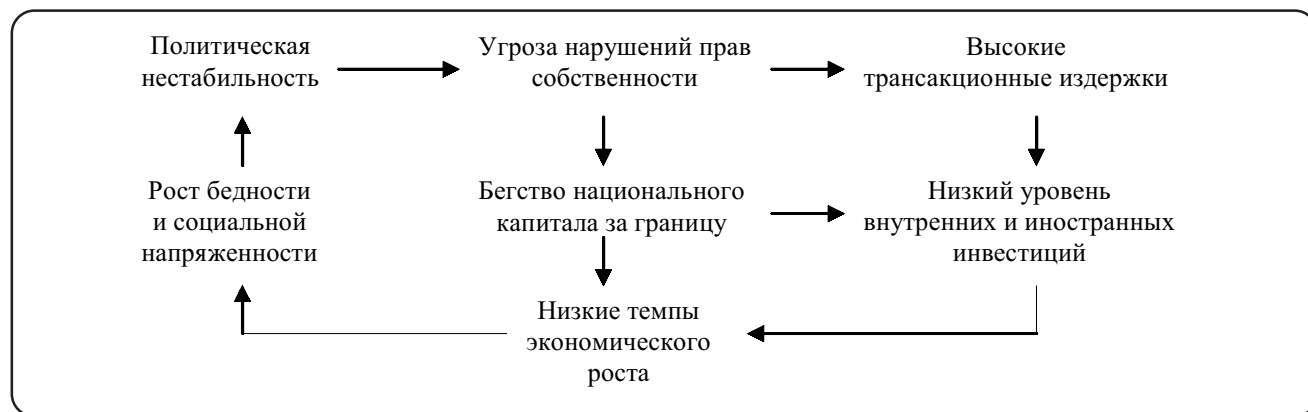

Рис. 6. Взаимосвязь политической и экономической нестабильности [3, с. 143]

Завершая сюжет о теориях "порочных кругов нищеты", следует отметить, что они имеют свои преимущества и недостатки. К числу сильных сторон указанных теорий можно отнести тот факт, что при всей своей абстрактности многие из них делают акцент на опасности снижения среднедушевого дохода. Вместе с тем в этих "кругах" причина сливается со следствием и каждый последующий фактор не связан строгой каузальной зависимостью с предыдущим. Авторы рассмотренных теорий анализируют эти цепи как замкнутые круги, тогда как они, будучи незавершенными, представляют собой, скорее, спираль, нежели "круг". Подобный анализ приводит к идее о фатальной неизбежности внешнего толчка для выхода из состояния квазистабильного равновесия.

Логическим продолжением теории "порочных кругов нищеты", оказавшим большое влияние на становление современных западных концепций модернизации "третьего мира", стала теория перехода к самоподдерживающемуся росту (1956 г.), которую выдвинул американский ученый Уильям Ростоу. С точки зрения анализируемой проблемы, его концепция представляет для нас интерес, главным образом, тем, что на ее основе У. Ростоу позднее, в 1960 г., сформулировал теорию стадий экономического роста. Эта теория наряду с теорией жизненного цикла Раймонда Вернона (США) может служить основанием для выдвижения одного из основных требований к исследованию функционирования свободной экономической зоны – рассмотрение этапности разработки и реализации ее концепции.

У. Ростоу предлагал выделять пять стадий роста: 1) "традиционное" общество (the traditional society); 2) период создания предпосылок для "взлета" (the preconditions for take-off); 3) "взлет" (the take-off); 4) движение к зрелости (the drive to maturity); 5) эпоха высокого массового потребления (the age of high mass consumption). Критерием для их выделения были, главным образом, технико-экономические характеристики: уровень развития техники, отраслевая структура хозяйства, доля производственного накопления в национальном доходе, структура потребления и т.д. В своей более поздней работе "Политика

и стадии роста" (1971 г.) У. Ростоу добавляет шестую стадию, намечающую перспективу развития индустриальных стран Запада – стадию "поиска качества жизни", когда приоритетом общества становится духовное развитие человека.

Известный исследователь теорий развития Р. Нуреев считает, что в современной трактовке третья стадия по классификации Ростоу соответствует промышленному перевороту, четвертая – стадии зрелости, пятая – массовому производству, шестая – информационной стадии [3, с. 145].

Основываясь на теориях У. Ростоу и Р. Вернона и используя мировой опыт разработки концепций СЭЗ, другой исследователь – П. Павлов утверждает, что в наиболее общем виде "проект создания СЭЗ также может быть разделен на четыре основные стадии: предынвестиционный период, инвестиционный период, операционный период и период развития" [4, с. 32] (рис. 7).

Концепции "порочных кругов нищеты" и "самоподдерживающегося роста" были использованы в процессе создания новых теорий модернизации – концепций "большого толчка". Их родоначальник – Пауль Нарцис Розенштейн-Родан, австрийский экономист польского происхождения – сформулировал такую концепцию в 1943 г. на примере слаборазвитых стран европейской периферии. Позднее западные ученые Р. Нурксе, Х. Лейбенштейн, А. Хиршман, Г. Зингер и другие использовали теорию "большого толчка" для обоснования предпосылок модернизации освободившихся стран. Проблемы первичной индустриализации, находившиеся в центре их исследований, трактовались в духе неокейнсианской традиции с выделением приоритетной роли автономных инвестиций в экономической политике государства. Краткосрочную модель Кейнса, направленную на анализ депрессивной экономики, необходимо было дополнить решением проблемы экономического роста в долгосрочном периоде.

Решение этой проблемы взяли на себя Рой Харрод (Англия) в 1939 г. и Евсей Домар (США) в конце 40-х гг. Р. Харрод попытался построить специальную модель экономического роста, включив в нее эндогенную функцию инвестиций. С этой целью он дополнил мультиплика-

Рис. 7. Стадии развития СЭЗ [4, с. 32]

тор Кейнса принципом акселератора и ввел в модель ожидания предпринимателей.

В отличие от него в модели Е. Домара инвестиции были заданы экзогенно. По Домару, чтобы сохранялось равновесие, инвестиции и национальный доход должны расти одинаковыми и постоянными во времени темпами. Очевидно, что такое динамическое равновесие вряд ли будет устойчивым, так как темп роста инвестиций в частном секторе может отклоняться от заданного моделью уровня.

Полученное Харродом соотношение $\frac{s}{v-s}$ (где s – предельная склонность к сбережению, v – акселератор), обеспечивающее равновесный уровень в экономике и, стало быть, полное использование производственных мощностей, было названо им "гарантированным темпом роста". Если фактический темп роста ниже гарантированного, то экономика отдаляется от состояния равновесия. Если гарантированный темп роста выше естественного, обеспечиваю-

щего полную занятость, то вследствие дефицита трудовых ресурсов фактический темп роста будет ниже гарантированного. В этом случае предприниматели, разочарованные в своих ожиданиях, снизят объем выпуска и инвестиций: наступит депрессия. Наконец, если гарантированный темп роста меньше естественного, то фактический темп может превысить гарантированный, так как избыток трудовых ресурсов создаст предпосылки для роста инвестиций и, следовательно, бума в экономике. Только в случае равенства гарантированного, естественного и фактического темпов роста достигается идеальное развитие национальной экономики.

Модели Харрода и Домара, дополнявшие друг друга, были объединены в единую модель, которая стала "теоретическим оружием" кейнсианства в экономике развития и легла в основу теории "большого толчка". Авторы модели считали, что для модернизации освободившихся стран необходимы крупные вливания капитала, в результате которых начинается самоподдержи-

вающийся рост. По мнению Х. Лейбенстайна, для его обеспечения уровень инвестиций должен быть не менее 12–15% национального дохода.

Таким образом, для теоретиков "большого толчка", так же, как и для неокейнсианства в целом, характерны макроподход и весьма критическое отношение к регулирующей способности рынка. Они рассматривают рынок, главным образом, как статическую систему, не способную осуществить модернизацию и самой вывести экономику из "порочного круга нищеты".

Возникнув под влиянием "плана Маршалла", сыгравшего огромную роль в возрождении послевоенной Европы, теория "большого толчка" импонировала лидерам "третьего мира", населению стран этих регионов, государственно-бюрократической буржуазии, заинтересованной в ее осуществлении, крупным корпорациям. Все это предопределило не только высокий теоретический интерес к новой концепции, но и попытки ее практического воплощения в Азии, Африке, Латинской Америке.

Одной из основных разновидностей теории "большого толчка" является теория Р. Нурксе, который в целях модернизации предлагает осуществлять "сбалансированный набор инвестиций". Однако идея Нурксе подверглась справедливой и резкой критике на Западе. В частности, Альберт Хиршман (США) подчеркнул, что для реализации плана модернизации путем "сбалансированного набора инвестиций" необходимо иметь огромный капитал, который как раз отсутствует в "третьем мире". Поэтому он предложил для развивающихся стран концепцию несбалансированного роста, в большей степени по сравнению с моделью Нурксе учитывающей реальные отношения в развивающихся странах. Однако и модель Хиршмана несвободна от идеализации этих отношений, преувеличивая возможности регулирования рыночного механизма.

Развивая дальше исходную концепцию, Г. Зингер выдвинул новую концепцию модернизации, в которой "сбалансированный рост осуществляется посредством несбалансированных инвестиций". Справедливо полагая, что "большой толчок" в промышленности невозможен без "большого толчка" в аграрной сфере, он уделяет

особое внимание условиям модернизации – подготовке собственно сбалансированного пути развития, без чего цель не будет достигнута. В качестве таких условий он особо выделяет развитие традиционных экспортных производств, импортозамещения и собственной производственной и социальной инфраструктуры.

Таким образом, указанные теоретики считали, что "большой толчок" в промышленности и аграрной сфере приведет к сбалансированному пути развития экономики страны. При этом вливания капитала предлагалось осуществлять не повсеместно, а в определенные проекты (СЭЗ), могущие создать базис для развития "большого толчка".

Для свободных экономических зон характерен ряд общесистемных свойств, в качестве которых выступают целостность, сложность, иерархичность, устойчивость, целенаправленность функционирования, информационность и инновационность, этапность развития. Не преуменьшая значения других свойств, следует особо выделить инновационность, являющуюся сущностной характеристикой современной рыночной экономики. По мнению П. Павлова, "инновационность в деятельности СЭЗ проявляется прежде всего в том, что создание новой производственной и другой инфраструктуры в СЭЗ неизбежно привносит в конкретную национальную экономику инородные для нее способы производства, связанные прежде всего с формами предпринимательства" [4, с. 31–32].

Экономические отношения производства и распределения добавленной стоимости, созданной на территории СЭЗ, кардинально отличаются от господствующих по всей стране и являются результатом намеренно создаваемой государством системы стимулов (налоговых, валютных, таможенных, денежно-кредитных и т.п.). Эти специфические отношения были рассмотрены в теории инновационной экономики и предпринимательского общества американского институционалиста Питера Друкера. В своей книге "Эпоха перерыва постепенности" (1969 г.) он исследовал изменения в структуре современной экономики, поставив вопрос о том, какой ресурс является основным. По его мнению, ни

материальные, ни финансовые, ни управленческие ресурсы не могут претендовать на эту роль. Главным предметом и продуктом труда становятся знания, наличие или отсутствие которых определяет уровень производительности и конкурентоспособности.

"Экономика знаний" принципиально отличается от экономики 60–70-х гг. XX в., так как она основана на инновациях, на создании и распространении информации. П. Друкер не связывает инновации с новыми технологиями, требующими крупных капиталовложений и длительного процесса внедрения, на что способны лишь корпорации (теория Джона Гэлбрейта). Для Друкера инновации – это в первую очередь новые формы внешней (новые рынки, новое применение товаров и т.д.) и внутренней (взаимоотношения внутри фирмы, соотношение полномочий и обязанностей и т.д. [5]) организации бизнеса. Поэтому, считает П. Друкер, многое в экономике зависит от предпринимателя, по определению обладающего такими качествами, как инициативность, способность идти на риск, в функции которого входит задача "прерывать постепенность" экономического развития, выводить экономику на новый качественный уровень. Основанные на планировании корпорации представляют собой структуры, уничтожающие основы инновационного процесса. Государство, управляемое бюрократией, также оказывается неэффективным в такой экономике, поскольку нерационально тратит ресурсы и создает барьеры для внедрения новшеств. Вследствие этого в интересах экономического развития необходимы децентрализация производства и управления в крупных корпорациях, а также стимулирование малого бизнеса. Оптимизация управления в корпорациях, способствуя развитию "внутреннего предпринимательства", позволит возродить в них инновационный процесс.

Идеи П. Друкера во многом перекликаются с взглядами Элвина Тоффлера на характер трансформации современного общества. Как и Друкер, Э. Тоффлер считает, что экономика конца XX в. – это экономика знаний, а предпринимательство является основным источником нововведений. Однако если П. Друкер полагал, что

корпорации должны возродить предпринимательскую функцию, то Э. Тоффлер уже указывает на начало этих процессов в данных структурах. По его мнению, на смену технократии и бюрократии пришли временные группы специалистов, возглавляющих отдельные проекты – "адхократия". С точки зрения Э. Тоффлера, с появлением "адхократии" корпорации стали быстрее приспосабливаться к новым условиям рынка и лучше осуществлять инновационные функции.

Э. Тоффлер считает, что вследствие увлеченности прогрессом со стороны крупных корпораций внедряемые ими новые технологии могут оказаться малополезными или вредными для человечества, поэтому общество обязано следить за действиями крупных корпораций. Кроме того, нововведения порождают в обществе глубокое стрессовое состояние, связанное со столь стремительной ломкой старого, что это вызывает необходимость "мониторинга нововведений". Тоффлер называет это состояние "шок будущего" ("футурошок") и описывает его в книге с одноименным названием ("Шок будущего", 1970 г. [6]). В другом своем произведении – "Третья волна" (1980 г. [7]) – Э. Тоффлер изложил процесс развития международного сотрудничества во всех возможных формах. Применительно к СЭЗ он находит проявление в таком ее свойстве, как информационность, тесно связанном с инновационностью. Этот процесс позволяет достраивать необходимые для данного уровня развития части инфраструктуры в СЭЗ, а также отсекают устаревшие управленческие звенья, технологические цепи и т.д.

Еще одно инновационное свойство, характерное для СЭЗ – это способность к диффузионному расширению, стихийному распространению достижений научно-технического прогресса в экономическом пространстве¹. Впервые вопросы возникновения и распространения нововведений были рассмотрены Йозефом Шумпетером (Австрия) в созданной им теории "диффузии нововведений" [8], главным в кото-

¹ Диффузия – распространение, рассеивание по территории различных экономических инноваций (новых видов продукции, технологий, организационного опыта и т.п.).

рой являлось признание самого факта диффундирования инноваций в рыночной экономике.

Впоследствии данная теория была развита в работе шведского географа Торстена Хегерстранда "Диффузия инноваций как пространственный процесс" (1967 г.), исследовавшего закономерности процесса диффундирования научно-технических достижений в рыночной экономике. По мнению Хегерстранда, диффузия может быть трех типов:

- диффузия расширения (инновация равномерно распространяется по всем направлениям от точки возникновения);
- диффузия перемещения (распространение в определенном направлении);
- смешанный тип.

Одна генерация инноваций включает в себя четыре стадии: возникновение, диффузия, накопление, насыщение. Теория Хегерстранда отражает, таким образом, волнообразный характер диффузии генераций нововведений.

Тесно связанная с теорией диффузии инноваций теория регионального жизненного цикла рассматривает процесс производства товаров как процесс с несколькими стадиями: появление нового продукта, рост его производства, зрелость (насыщение), сокращение. На стадии инноваций требуются большие персональные контакты, поэтому наиболее благоприятным местом для их размещения являются большие города. Активное производство можно разместить в периферийных регионах, однако это создает риск для небольших городов. Вслед за стадией насыщения в них начинается снижение или прекращение производства, пока не появятся другие инновации в больших городах. Следовательно, региональная экономическая политика должна концентрироваться на создании благоприятных условий для инновационной стадии в менее развитых регионах, например, в виде создания образовательных и научных центров (технополисы, наукограды и т.п.).

Свободные экономические зоны можно рассматривать в качестве своеобразных "полосов роста", образуемых вокруг доминирующих отраслей – "моторов". Эти термины впервые были предложены французским экономистом Фран-

суа Перру, автором теории, получившей название "экономики доминирования". В основе этой теории лежит признание неравенства как основополагающего принципа хозяйственной жизни. Отношения господства и подчинения участников хозяйственной деятельности существуют на уровне предприятий, отраслей, экономических зон, межгосударственных отношений. Так, в статье уже была рассмотрена теория периферийной экономики (Р. Пребиш, С. Фуртадо), в центре которой лежит исследование отношений между развитыми и развивающимися странами, строящихся на принципах доминирования и господства.

Неравенство хозяйственных единиц имеет своим следствием искажение "нормальных" взаимосвязей, деформацию экономического пространства. Поляризация пространства вокруг ведущей отрасли представляет собой один из наиболее интересных видов деформации, описанных Перру. "Отрасли-моторы" (быстрорастущие отрасли, такие как химическая, машиностроение, нефтепереработка, а также новейшие отрасли: электроника, атомная энергетика) обладают "эффектом влечения" факторов производства, поскольку обеспечивают наиболее активное их использование. Благодаря концентрации нововведений вокруг лидирующей отрасли в ней сосредоточивается "импульс развития", оказывающий влияние на территориальную структуру хозяйства и ее динамику. Если отрасль пропульсивна, то есть способна производить положительный мультиплицирующий эффект, то образуется полюс роста, порождается цепная реакция возникновения промышленных центров.

Из теории Ф. Перру следует вывод о том, что необходимо рационализировать организацию управления. С этой целью обосновываются принципы индикативного планирования – Ф. Перру можно считать одним из его идеологов во Франции. Поскольку, по его мнению, сбалансированный рост неосуществим, экономическая политика государства должна быть направлена на создание "полосов роста" и сознательное управление средой распространения их эффекта.

В дальнейшем теория полюсов роста была детально разработана в территориальном аспек-

те французским ученым Ж. Будвилем. Его заслуга в том, что он сумел привязать теорию Перру к конкретному географическому пространству, показав его функциональную связь с экономическим пространством, дал региональное толкование полюса роста. По Будвилю, полюсами роста могут быть не только совокупности предприятий лидирующих отраслей, но и конкретные территории (населенные пункты), в которых представлены лидирующие отрасли. Будвиль считал, что региональный полюс роста представляет собой набор развивающихся и расширяющихся отраслей, размещенных в урбанизированной зоне, способных выполнять в экономике страны или региона функцию источника инноваций и прогресса.

Большой вклад в развитие идей Перру внес испанский ученый Х.Р. Ласуэн, конкретизировав представления о полюсах экономического роста. По его мнению:

1) полюс роста – это региональный комплекс предприятий, связанный с экспортом региона, а не просто с ведущей отраслью;

2) система полюсов и каждый из них в отдельности растут за счет импульсов, рожденных общенациональным спросом и передающихся через экспортный сектор региона;

3) импульс роста передается второстепенным отраслям и географической периферии через посредство рыночных связей между предприятиями (последней – с учетом факторов размещения).

В развитие теории полюсов роста большой вклад внес американский ученый Д. Дарвент. Он разработал классификацию полюсов роста, стремясь от абстрактного экономического пространства Ф. Перру перейти к реальному географическому пространству, изучать конкретные центры и отрасли, являющиеся, по его мнению, "полюсами развития".

Ч. Шмидт установил взаимосвязи между пространством и элементами, создающими территориальную структуру региональной экономики, и проанализировал эти взаимосвязи в зависимости от расположения "полюсов роста". Развитие промышленности, сроки и специфические типы промышленных взаимосвязей,

дальнейший рост "полюса", вызываемый этими связями, определяются у Шмидта концентрацией производства.

Теория полюсов роста получила развитие в работах П. Потье об осях развития. Его основная идея состоит в том, что территории, расположенные между полюсами роста и обеспечивающие транспортную связь, получают дополнительные импульсы роста благодаря увеличению грузопотоков, распространению инноваций, развитию инфраструктуры и превращаются тем самым в оси (коридоры) развития. Работа Потье играет существенную роль в развитии современной теории размещения, помогая учитывать влияние транспортной сети в теориях урбанистической иерархии и центров роста.

Теоретические положения о полюсах развития, порочных кругах нищеты, самоподдерживающемся росте и т.д., лежащие в основе исследования свободных экономических зон и составляющие его методологический базис, тесно связаны с теориями размещения хозяйства, предлагаемыми, главным образом, исследователями в области экономической географии.

Список литературы

1. Кейнс Дж. М. Избранные произведения; пер. с англ., предисл., коммент., сост. А.Г. Худокормов. – М.: Экономика, 1993. – 544 с. – (Серия "Экономическое наследие").
2. История экономических учений (современный этап): учебник; под общ. ред. А.Г. Худокормова. – М.: Инфра-М, 2004. – 734 с. – (Серия "Высшее образование").
3. Нуреев Р. Теории развития: кейнсианские модели становления рыночной экономики // Вопросы экономики. – 2000. – № 4. – С. 137-156.
4. Павлов П. Теоретико-методологические основы исследования СЭЗ как функционально-ориентированного института международных отношений // Консультант директора. – 2006. – № 22. – С. 28-33.
5. Друкер П. Эффективное управление. – М.: АСТ, 2004. – 284 с.
6. Тоффлер Э. Футурошок. – СПб.: Лань, 1997. – 464 с.
7. Тоффлер Э. Третья волна; пер. с англ., науч. ред., предисл. П.С. Гуревич. – М.: АСТ, 2004. – 783 с.
8. Шумпетер Й. Теория экономического развития: Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита и цикла конъюнктуры; пер. с англ. В.С. Автономова, М.С. Любского, А.Ю. Чепуренко. – М.: Прогресс, 1982. – 455 с.

В редакцию материал поступил 04.09.08.